

МОТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОМАНА А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Тематика и мотивная организация произведения являются важнейшей составляющей стиля писателя. Об этом писали в своих работах В.М. Жирмунский, П.Н. Сакулин, А.Н. Соколов и другие исследователи. Интерес писателя к определенному кругу явлений, особенности их художественного раскрытия в тематическом и мотивном построении, безусловно, характеризуют индивидуальный стиль автора. Как отмечал исследователь И.В. Силантьев, для понимания произведения важно не только то, что непосредственно названо и зафиксировано писателем в содержательном плане, но и то, как темы и мотивы высвечиваются, поворачиваются, взаимодействуют между собой, выражаются и предстают на фоне творчества писателя и литературного процесса в целом [6].

В этой связи в данной работе будут решены такие задачи, как выявление круга мотивов в романе «Евгений Онегин», определение их генезиса, специфики художественной организации, взаимодействия, динамики, а также форм воплощения.

Учитывая дискуссионность некоторых понятий литературоведения, определим теоретические подходы к исследованию категорий «тема» и «мотив». В их изучении мы опираемся на общепризнанное в науке единство темы и мотива. Тема – более широкое понятие, а мотив является ее реализацией через определенные смысловые (но уже неделимые) составляющие. В понятие «тема» («тематика») Г.Н. Пospelов включал «те явления жизни, которые отражены в том или ином высказывании или сочинении» [1, с. 89]. Говоря о мотиве, Г.Н. Пospelов отмечал, что «данным термином обозначаются наиболее значимые и, как правило, повторяющиеся в произведении (или в творчестве писателя) опорные художественные приемы и средства» [1, с. 185]. Описание системы мотивов отдельных произведений, по его мнению, является необходимым условием их научного

постижения, в том числе и в стилевом аспекте. Рассмотреть тему с ее «составляющими» не только описательно, но и функционально, целостно – важная задача исследования литературы, как указывал Г.Н. Пospelов.

Б.Н. Путилов в работе «Веселовский и проблемы фольклорного мотива» (1992) определяет мотивы как «устойчивые семантические единицы», которые характеризуются «повышенной, можно сказать, исключительной степенью семиотичности, каждый мотив обладает устойчивым набором значений» [3, с. 82]. Б.Н. Путилов считает, что мотив функционирует в произведении, неся смысловую нагрузку и проявляясь в разных формах – в виде слова, словосочетания, эпиграфа, заглавия и т. д. Главное назначение мотива, по мнению исследователя, – раскрыть содержание произведения, реализовать его смысл, а также пробуждать воображение читателя.

В современных исследованиях (Н.Д. Тамарченко, В.В. Прозоров, А.Н. Шехватов, Т.В. Кушнирова и др.) отмечается связь мотива с темой, сюжетом, фабулой, художественными образами произведения (вокруг отдельных образов могут концентрироваться те или иные мотивы), а также выделяются признаки мотивов – неразложимость, повторяемость, динамизм, способность к взаимодействию и трансформациям.

Таким образом, опираясь на достижения литературоведческой науки, мы исходим из того, что мотив – это неразложимая формально-смысловая единица произведения (группы произведений), которая является составной частью фабулы и двигателем сюжета, средством раскрытия художественного образа и воплощения идейно-эстетического замысла писателя. Круг тем и мотивов, особенности их художественного освещения и воплощения определяют жанровое и стилевое своеобразие произведения. Комплекс тем и мотивная организация свидетельствуют о принадлежности произведения к тому или иному литературному направлению, течению, школе.

В современном литературоведении нет единства по поводу классификации мотивов. В качестве основы для типологии мотивов предлагаются различные критерии: происхождение, семантика, способы выражения в тексте, парность-непарность, статика-динамика,

отношение с категориями времени и пространства, функциональная направленность и др. А.Н. Веселовский исследовал мифологические и фольклорные мотивы. Б.Н. Путилов выделял мотивы ситуации, мотивы-действия, мотивы-описания, мотивы-характеристики, С.Ю. Неклюдов – мотив-образ, Е. Френцель – мотив-пейзаж. О пространственных и временных мотивах писал в своих работах М.М. Бахтин. Динамические и статические мотивы рассматривал Б. Томашевский. Парадигма мотивов и их классификационных признаков во многом зависят от художественной природы произведения и авторского замысла. Исходя из этого, обратимся к роману «Евгений Онегин» в аспекте его тематического богатства и мотивной организации.

Мотивная организация романа «Евгений Онегин» отличается сложностью. Магистральные темы распадаются на множество мотивов, которые развиваются в различных направлениях, пересекаются, накладываются друг на друга, приводя к новым образованиям. Характерной особенностью индивидуального стиля писателя является то, что он синтезирует достижения предшествующей литературы, отталкивается от уже известных читателю мотивов, но при этом погружает их в реалистический контекст, наполняет новым содержанием, вследствие этого мотивы, генетически восходящие к романтической и сентиментальной литературе, поворачиваются разными гранями, приобретают совершенно новые функции.

Еще современники русского поэта отметили необычайное влияние, которое имел Дж. Байрон на А.С. Пушкина. Так, П.А. Вяземский отмечал, что «душа Пушкина была такая же кипучая бездна огня, как байроновская». Да и сам А.С. Пушкин не скрывал, что поэмы, написанные им в период ссылки на юг (называемые «южными поэмами» по аналогии с «восточными поэмами» Дж. Байрона), «отзываются чтением Байрона». В письме к Н.И. Гнедичу от 27 июня 1822 г. А.С. Пушкин писал: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной» [5, с. 505]. Для читателей XIX века А.С. Пушкин явился, прежде всего, зачинателем нового литературного жанра – поэмы романтической («южные»

поэмы), сменившей, под влиянием Дж. Байрона, традиционную героическую эпопею. Но влияние Дж. Байрона сказалось не только в «южных» поэмах, но и в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

В романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкин намеренно использует некоторые мотивы и приемы «восточных» поэм. Так, в описании Евгения Онегина постоянно подчеркивается мотив духовного одиночества героя. В XLIII строфе первой главы об Онегине сказано, что он «отступник бурных наслаждений». А в XLV строфе автор развивает этот мотив: «Условий света свергнув бремя, Как он, отстав от суеты, С ним подружился я в то время...» [4, с. 23].

Философская проблема жизни поставлена А.С. Пушкиным уже в эпиграфе к первой главе из стихотворения П. Вяземского «Первый снег»: «И жить торопится, и чувствовать спешит» [2, с. 131]. В первой главе акцентированы парные мотивы «настоящее – ложное». Автор задумывается над тем, что же за жизнь была у Онегина и у всего его поколения: «До утра жизнь его готова, Однообразна и пестра. И завтра то же, что вчера. Но был ли счастлив мой Евгений...» [4, с. 20].

Еще больше, чем с «восточными» поэмами Дж. Байрона и «южными» поэмами А.С. Пушкина, роман «Евгений Онегин» обнаруживает связь с «Паломничеством Чайльд-Гарольда». Интерес поэта к «Паломничеству Чайльд-Гарольда» не ослабевает и впоследствии. Известно, что в начале 1830-х годов А.С. Пушкин начинает заниматься переводом отдельных песен поэмы Байрона. Некоторые мотивы «Паломничества Чайльд-Гарольда» проявились в романе «Евгений Онегин».

Собственно, с байронических мотивов и начинается пушкинский роман. Уже в первой строфе говорится о молодом юноше из высшего света, который, как и Чайльд-Гарольд, испытывает скуку и разочарование. Эпиграф ко всему «Евгению Онегину» и вся первая глава во многом перекликаются с предисловием Дж. Байрона к «Паломничеству Чайльд-Гарольда». Байроническим мотивом (в связи с эпиграфом к восьмой главе, взятом из «Стихотворений о расставании» Дж. Байрона) роман и заканчивается, что создает кольцевую композицию. Поэтому слово «прощай» из эпиграфа к восьмой главе можно отнести, по нашему мнению, не только к героям, но и к са-

тому Дж. Байрону. Если в самом начале А.С. Пушкин лишь «неясно различал» даль «свободного романа», то, заканчивая свой роман, он уже точно знал, что в создании нового типа романа идет иным путем, чем Дж. Байрон.

Как и Дж. Байрон, А.С. Пушкин стремится отыскать причину нравственной болезни, которой было охвачено его поколение. И здесь А.С. Пушкин отталкивается от слова *spleen*, использованного в «Паломничестве Чайльд Гарольда»: «Недуг, которому причину Давно бы отыскать пора, Подобный английскому сплину, Короче: русская хандра...» [4, с. 21].

У А.С. Пушкина в «Евгении Онегине» мотивы скуки, тоски, хандры также становятся ключевыми. Но отсюда возникает закономерный вопрос: а совпадают ли по значению болезнь байроновского и болезнь пушкинского поколения? Английский сплин и русская хандра – это одно и то же или нет?.. По своему результату – опустошение души, тоска, утрата интереса к жизни – да, эти понятия совпадают. Но происхождение их совершенно разное. Сплин Чайльд-Гарольда вызван, прежде всего, пресыщением благами жизни, а путешествие по различным странам только усилило скорбь героя, которая теперь становится «мировой».

В романе А.С. Пушкина «скука» – это не только и не столько состояние пресыщенной души. Это еще и те общие закономерности жизни, которые приводят человека к такому состоянию. Так, уже в первой строфе «скукой» называется необходимость «С больным сидеть и день и ночь, Не отходя ни шагу прочь!», «низкое коварство Полуживого забавлять, Ему подушки поправлять, Печально подносить лекарство, Вздыхать и думать про себя: Когда же черт возьмет тебя!» [4, с. 5]. Скука в понимании А.С. Пушкина – довольно широкое понятие. Это и лицемерие, и бесцельное существование, и ложные ценности, и скудость интересов, и изменность желаний, и пошлость и т. п. Скука царит и в столице, и в деревне: «Потом увидел ясно он, Что и в деревне скука та же, Хоть нет ни улиц, ни дворцов...» [4, с. 28].

В ответ на признание Ленского, где тот проводит вечера (у Лариных), Онегин замечает: «Да скука, вот беда, мой друг» [4, с. 51]. И

Татьяна испытывает скуку, то есть косность, пошлость окружающей жизни. Поэтому «ей скучен был и звонкий смех». В письме к Онегину она понимает, что и ему, ее избраннику, скучно: «В глуши, в деревне все вам скучно, А мы... ничем мы не блестим, Хоть вам и рады простодушно» [4, с. 66]. Онегин пытается уйти от скуки, от банальности, от пошлой необходимости. Поэтому он и говорит Татьяне: «Что может быть на свете хуже Семьи, где бедная жена Грустит о недостойном муже, И днем и вечером одна; Где скучный муж, ей цену зная (Судьбу, однако ж, проклиная), Всегда нахмурен, молчалив, Сердит и холодно-ревнив!» [4, с. 79].

Но скука общей жизни затягивает и не отпускает. От скуки Онегин с Ленским едут на именины к Лариным. От скуки Онегин затеял игру с Ольгой и Ленским на провинциальном балу. Но последствия этой игры оказались трагическими. Общество, духовно скудное и скучающее, с большим интересом наблюдает за героями. Оно же (в образе Зарецкого) подталкивает друзей к дуэли. Таким образом, мотив скуки непосредственно связывается А.С. Пушкиным с мотивом смерти. Скука – это, безусловно, смерть, и духовная, и физическая. Это та общая закономерность, из которой человеку того времени не выбраться, как нельзя нарушить кодекс дуэли.

В восьмой главе автор вглядывается в Евгения Онегина и его вновь волнует вопрос: «Что, сплин иль страждущая спесь В его лице? Зачем он здесь? Кто он таков?.. Ужель Евгений? Ужели он?.. Так, точно он. Давно ли к нам он занесен?» [4, с. 168].

В конце пушкинского романа Онегин – не «москвич в Гарольдовом плаще». Ему теперь не нужен этот «Гарольдов плащ» вообще, потому что в финале произведения, пройдя через настоящую смерть и через настоящую любовь, то есть, постигнув настоящую жизнь, он наконец-то обретает собственную сущность, свое «я». Онегин, в отличие от Чайльд-Гарольда, смог внутренне подняться над скукой жизни и испытать настоящее чувство. И Татьяна посреди общей скуки, которую героиня называет «пышность эта», «постылой жизни мишура», приходит к осознанию настоящего чувства и настоящих ценностей. Пушкин как реалист показывает, что вокруг героев еще царит скука, над ними еще тяготеет непреодолимая преграда, которая

заставляет Татьяну сказать: «Но я другому отдана...». У Байрона в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» только автор преодолевает скуку и мировую скорбь, он не утрачивает любовь к жизни к искусству, к природе, он духовно развивается и обновляется. А.С. Пушкин привел к этому и своих героев. Татьяна и Онегин в финале произведения, хотя и вынуждены расстаться, меньше всего похожи на жертв общества. Они расстаются, но они много обрели – необыкновенное внутреннее богатство, понимание реальной жизни и настоящие чувства.

Незаконченная десятая глава дает все основания утверждать, что А.С. Пушкин в дальнейшем еще больше расширил бы национальный контекст, потому что здесь речь идет о народе, о русской истории, о «грозе двенадцатого года», о царе, о вольнолюбивых обществах, о путях России вообще. «Моря достались Албиону», – пишет А.С. Пушкин в этой главе, утверждая в «Евгении Онегине», что ему как художнику (в отличие от Дж. Байрона, поэта «Альбиона») «досталась» для изображения Россия, и он счастлив этим.

А.С. Пушкин иронически пишет о молодом поколении, которое между Лафитом и Клико (то есть во время обеда или ужина: Лафит – сухое вино, которым начинали обед, Клико – шампанское, которым его заканчивали, его же пили и за ужином) осваивало «мятежную науку», не случайно рифмующуюся со словом «скука». Таким образом, поэт вновь возвращается к теме духовной сущности молодого поколения, что звучала уже в первой главе «Евгения Онегина». Но в десятой главе автор уже задумывается о месте и предназначении своего поколения в мире, где «русская хандра» оказалась страшнее, чем «английский сплин» и где слово «скука» характеризовало состояние не отдельного человека, а всего общества. Таким образом, мотив скуки значительно расширяется поэтом и раскрывает не только психологическое состояние героя, но и поколения в целом.

Развивая традиции Дж. Байрона, А.С. Пушкин использует прием концентрации мотивов вокруг образов центральных героев. С образом Евгения Онегина связаны мотивы «русской хандры», скуки, тоски, разочарования, опустошения (утомления) души, остывших чувств, духовных поисков, жизни, смерти, любви (как «науки страсти нежной» и истинной) и др.

В описании Ольги подчеркиваются характерные для романтических героинь детали портрета («глаза, как небо голубые», «улыбка», «локоны льняные», «движенья», «голос», «легкий стан»), вокруг нее концентрируются и романтические мотивы любви, красоты, ревности, поединка, смерти (как «жертвы» из-за любви) и др. Но А.С. Пушкин иронически снижает этот образ и связанные с ним мотивы: «Я прежде сам его любил, Но надоел он мне безмерно» [4, с. 41].

Татьяна противопоставлена Ольге, как, например, байроновские героини Гюльнара и Медора («Корсар»). В образе Татьяны можно отметить соединение А.С. Пушкиным ведущих мотивов «восточных» поэм и «южных» поэм: гибели героини в чуждом ей мире, трагической любви, несчастной судьбы, предопределенности встречи с героем, духовного одиночества, страстного ожидания героя, который предстает то ли в роли ангела-спасителя, то ли в роли искушителя. Однако А.С. Пушкин отходит от привычной байронической схемы, говоря о том, что героиня не отличается ни «красотой сестры своей», ни «свежестью ее румяной». Он углубляет психологическую характеристику Татьяны, показывает ее богатый внутренний мир. Она любит природу, книги, уединение. Она тонко чувствует, ее душа настроена на высокий поэтический лад. Но при всем отличии от Ольги, при всей напряженности своего внутреннего мира юная Татьяна еще не знает настоящей жизни. Она мыслит и действует, как героиня любовного романа. Отсюда – и подчеркнутая литературность в изображении Татьяны. Описывая любимую героиню, А.С. Пушкин акцентирует романтические мотивы задумчивости, грусти («та, которая грустна и молчалива, как Светлана»), отчужденности («детские проказы Ей чужды»), скуки («ей скучен был и звонкий смех»). Татьяна с увлечением «пьет обольстительный обман» сентиментальной и романтической литературы, героиней которой «В единый образ облеклись, В одном Онегине слились» [4, с. 55]. Но А.С. Пушкин вводит романтические мотивы в реальный контекст, собственно, он поворачивает их под иным углом поэтического видения. Поэтому, например, в ночной сцене написания письма Онегину рядом с Татьяной (весьма похожей на героиню романтической литературы) появляется няня – «старушка в длинной телогрейке», кото-

рая рассказывает о жизни, как она есть на самом деле: «В эти лета Мы не слышали про любовь; А то бы согнала со света Меня покойница свекровь...» [4, с. 59]. Своеобразным контрастом романтическим словам Татьяны «Я влюблена» выступает рассказ няни о её трудной судьбе. Мотивы драматизма реальной жизни (хотя они лишь намечены в романе), связанные с романтическими мотивами, акцентируют призрачность идеалов юной Татьяны. С образом Татьяны соединены и мотивы природы (которая изображена А.С. Пушкиным не только в традициях романтизма, но и в реалистическом ключе), нравственных исканий, верности и др.

Образ Ленского создан по традиционной модели романтического героя, поэтому вокруг него в наибольшей степени сконцентрированы романтические мотивы дружбы, трагической любви, поэзии, поединка, жертвенной смерти и др. Эти мотивы маркированы деталями портрета героя («кудри черные до плеч», «взор пылкий» и т.д.), указанием на его молодость и на то, что он приехал из Германии (родины романтизма). Ленский избирает для себя даму сердца (Ольгу), вдохновенно воспевает ее. А когда происходит двусмысленная ситуация на балу у Лариных (Ольга идет танцевать с Онегиным), он воображает, что его возлюбленная попала в плен к «искусителю», и Ленский мыслит себя не иначе, как избавителем. Мотив спасения прекрасной героини от злого искусителя, страшного тирана пришел из «восточных поэм» Дж. Байрона, этот мотив звучал и в «южных поэмах» А.С. Пушкина, но поэт пародийно обыгрывает его. Хотя Ленский на следующее утро помирился с Ольгой, хотя «он счастлив, он почти здоров», герой до конца верен избранной романтической роли. «Он мыслит: «Буду ей спаситель, Не потерплю, чтоб развратитель Огнем и вздохов и похвал Младое сердце искушал; Чтоб червь презренный, ядовитый Точил лилеи стебелек; Чтобы двухутренний цветок Увял еще полураскрытый». Все это значило, друзья: С приятелем стреляюсь я» [4, с. 123-124]. Две последние иронические строки погружают романтический мотив в контекст реальной жизни и окончательно проясняют ложность романтических представлений Ленского. Будучи до конца последовательным в исполнении своей романтической роли, Ленский идет на поединок с Онегиным,

хотя уже и причины для дуэли как таковой нет (ведь примирение с Ольгой произошло), хотя Онегин нарушает правила дуэли (он опоздал, взял секундантом слугу, поэтому можно было сразу признать его побежденным).

Дуэли предшествуют характерные для романтизма мотивы страдания героя, его откровений в виде стихов («Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни?...»), бессонная ночь накануне поединка. Но все это снова-таки подается Пушкиным в намеренно пародийном ключе. Даже Ленский заснул на модном слове «идеал». Погружая романтические мотивы в реальный контекст, иронически снижая их, А.С. Пушкин подчеркивает мнимость идеалов Ленского, его игру в романтизм. И сам поединок является следствием этой романтической игры, но игры, ставшей опасной для Ленского.

В авторском лирическом отступлении по-новому предстает традиционный мотив смерти, заставляя читателя задуматься о том, а так ли прекрасна смерть, пусть даже в романтическом ореоле? «Скажите: вашею душой Какое чувство овладеет, Когда недвижим, на земле Пред вами с смертью на челе, Он постепенно костенеет, Когда он глух и молчалив На ваш отчаянный призыв?» [4, с. 131-132].

Вокруг образа автора в романе «Евгений Онегин» также сконцентрировано немало разнообразных мотивов. Ощущение разочарования, одиночества, тоски, скуки жизни сближает его с Онегиным, но вместе с тем в мотивном поле, связанном с образом автора, появляются и новые мотивы, которые отличают автора от главного героя. Автор любит искусство, а Онегин скучает («И Дидло мне надоел»). Мотивы искусства и мотивы природы, связанные с образом автора как поэта, создают контраст по отношению к другим мотивам. Еще в произведениях романтиков искусство и природа воспринимались как воплощение свободы, гармонии и вечного начала. У А.С. Пушкина эти мотивы также противопоставлены всему суетному и злободневному, вместе с тем они своеобразно высвечивают образы главных героев, задают моральную вертикаль в оценке их взаимоотношений.

С образом автора впервые в русскую литературу входит широкий круг городских мотивов. Город и городская стихия показаны А.С. Пушкиным в разнообразных проявлениях – и в светских раз-

влечениях, и в жизни простых людей (купцы, разносчики, извозчики, лакеи и т. д.). С помощью различных мотивов (бала и «ярмарки», исторического прошлого и настоящего и др.) Петербург и Москва показаны писателем всесторонне.

Категория времени определяет мотивы молодости-старости в изображении Ленского (размышления автора о его возможной судьбе), матери и отца Лариных, няни Татьяны («в эти лета...»). В финале произведения эти мотивы связаны с образами Татьяны и Онегина, в высказываниях которых звучат слова «ужель та самая Татьяна», «тогда», «нынче», «в тот страшный час», «теперь» и т. п. Пространственно-временные мотивы придают широту изображению жизни и позволяют раскрыть и саму действительность, и образы героев в их развитии.

Особо следует отметить введение А.С. Пушкиным в роман онирических мотивов, которые сконцентрированы вокруг образов Татьяны и Онегина. Сон в романтической литературе как особое состояние души, как время между жизнью и смертью, ночью и днем, как некая тайна и пора мистических озарений способствовал раскрытию, прежде всего, психологического состояния образов главных героев, их переживаний и настроений, а также воплощению темы судьбы, предопределения, веления Бога (например, в поэмах «Ленора» Г. Бюргера, «Светлана» и «Людмила» В. Жуковского и др.). В романе «Евгений Онегин» функциональность онирических мотивов значительно расширена, что связано с художественным исследованием поэтом действительности. Мотивы, акцентированные сном Татьяны (пятая глава) – бегства, страха, чудовищ, смерти, выполняют в романе такие функции: психологическую (раскрытие психологического состояния героини, сложности ее отношений с «героем ее романа»), социальную (гротескное изображение общества в виде чудовищ, что подкрепляется впоследствии сценой сельского бала), философскую (осмысление места человека в мире) и прогностическую (в фантастических картинах из сна Татьяны возникает поединок Онегина и Ленского). Если сон Татьяны больше предвосхищает события будущего, то во сне Онегина (восьмая глава) акцентированы события прошлого. Герой видит во сне, как он «мечет фараон»

(азартная игра), «на талом снеге...недвижим юноша лежить», слышит голос «что ж? убит», перед ним предстают «клеветники», «труссы злые», «изменницы молодые», «круг товарищей презренных», а на фоне всего этого – сельский дом, где появляется «она и все она!». Онирические мотивы сна Онегина – игры, поединка, смерти, пустой жизни и вновь обретенной любви соединены с парными мотивами прошлого и настоящего. Они по-новому высвечивают не только факты прошлой жизни героя, но и процесс его изменения, ухода от суеты и открытия в себе настоящего чувства.

Переплетение уже устоявшихся в литературе и новых мотивов, погружение традиционных (романтических, сентиментальных) мотивов в реалистический контекст дает возможность А.С. Пушкину раскрыть особенности духовного состояния русского общества той поры и сложность жизни действительной.

Литература

1. Введение в литературоведение: Учеб. для филол. спец. ун-тов / [Поспелов Г.Н., Николаев П.А., Волков И.Ф. и др.]; под. ред. Г.Н. Поспелова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1988. – 528 с.
2. Вяземский П.А. Стихотворения / П.А. Вяземский. – Л.: Советский писатель, 1958. – 504 с.
3. Путилов Б.Н. Веселовский и проблемы фольклорного мотива / Б.Н. Путилов // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. – СПб.: Наука, 1992. – С. 74–86.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. / А.С. Пушкин. – Т. 6: Евгений Онегин. – М.: Воскресенье, 1995. – 700 с.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. / А.С. Пушкин. – Т. 13: Переписка 1815-1827. М.: Воскресенье, 1996. – 684 с.
6. Силантьев И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.

Анотація

В.М. Люлька. Мотивна організація роману О.С. Пушкіна «Євгеній Онегін».

У даній статті показано взаємодію романтизму і реалізму в мотивній організації роману у віршах «Євгеній Онегін» О.С. Пушкіна. Вирішені такі завдання, як виявлення кола тем і мотивів у романі «Євгеній Онегін», ви-

значення їх генезису, специфіки художньої організації, взаємодії, динаміки, а також форм втілення. Проаналізовані мотиви, що беруть початок у творчості Дж. Байрона (самотність, таємничість, відсторонення, гордість, задумливість, пересичення) і «південних» поемах О.С. Пушкіна (відчуження, туга, пустеля, духовна загибель). Досліджено прийом концентрації мотивів довкола певних художніх образів (Онегін, Тетяна, Ленський, Ольга, Петербург, Москва, автор та ін.). Визначені ключові, наскрізні мотиви в пушкінському романі, показані художні можливості оніричних мотивів (сон Тетяни, сон Онегіна), які виконують психологічну, соціальну, філософську, прогностичну функції.

Ключові слова: мотивна організація, стиль, романтизм, реалізм.

Аннотація

В.Н. Люлька. Мотивная организация романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

В данной статье показано взаимодействие романтизма и реализма в мотивной организации романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Решены такие задачи, как выявление круга тем и мотивов в романе «Евгений Онегин», определение их генезиса, специфики художественной организации, взаимодействия, динамики, а также форм воплощения. Проанализированы мотивы, берущие начало в творчестве Дж. Байрона (одиночество, таинственность, отстранение, гордость, задумчивость, пресыщение) и «южных» поэмах А.С. Пушкина (отчуждение, тоска, пустыня, духовная гибель). Исследован прием концентрации мотивов вокруг определенных художественных образов (Онегин, Татьяна, Ленский, Ольга, Петербург, Москва, автор и др.). Определены ключевые, сквозные мотивы в пушкинском романе, показаны художественные возможности онирических мотивов (сон Татьяны, сон Онегина), которые выполняют психологическую, социальную, философскую, прогностическую функции.

Ключевые слова: мотивная организация, стиль, романтизм, реализм.

Summary

V. Lyulka. Motivic organization of the novel by A. Pushkin «Eugene Onegin».

This article shows the interaction of romanticism and realism in the thematic organization of the novel in verse «Eugene Onegin» by Alexander Pushkin. Such problems as the identification of themes and motifs in the novel «Eugene Onegin», the definition of their origin, the specifics of the organization, interactions, dynamics, and the forms of embodiment are solved. The motifs originating in

the works of G. Byron (loneliness, mystery, suspension, pride, thoughtfulness, satiety) and «southern» poems of Pushkin (alienation, depression, desert, spiritual death) are analyzed. Concentration of motifs around certain artistic images (Onegin, Tatiana, Lensky, Olga, St. Petersburg, Moscow, author, etc.) is investigated. The key cross-cutting themes in the Pushkin's novel are identified, the artistic possibilities of oniric motifs (Tatiana's dream, the dream of Onegin) that perform the psychological, social, philosophical, predictive functions are shown.

Key words: motive organization, style, romanticism, realism.